

**ФАННИ АРДАН
ОТВЕРГАЕТ
ДИКТАТУРУ
НАСЛАЖДЕНИЯ**

СПОСОБНАЯ НА БЕЗУМСТВО

Фанни Ардан нередко бывала гостем Москвы. Премию «Я верю» вручил ей на Московском международном кинофестивале Никита Михалков. Но еще чаще она — гость московских кино- и телеэкранов. Так что российские зрители хорошо знакомы с этой обаятельной, знаменитой и талантливой, а к тому же еще и в своем роде уникальной современной артисткой Европы, ведь именно ей удалось одинаково успешно сыграть двух таких несхожих, но равновеликих европейских «звезд сцены», как Мария Каллас и Сара Бернар.

Она родилась в семье военного — полковника дипломатической службы в княжестве Монако — и дворовой фрейлины князя, и готовилась к дипломатической карьере, изучая политические науки. Но все пересилила страсть к театру. И сегодня она — один из многих ликов Парижа, неожиданный, парадоксальный, в одно и то же время бунтарский и старомодный. «Нет диктатуре наслаждений!» — так называется интервью, которое совсем недавно опубликовал журнал «Пари-матч». В ответах Ардан на откровенные, иногда насмешливые вопросы парижского журналиста — весь ее характер, яркий и в то же время пастельно-мягкий, скромный и порывистый, готовый полюбить всем сердцем и в то же время всегда склонный к бунтарству. Таким характером она, как правило, одаривает и всех своих героинь. Такой мы знаем ее в фильмах «Соседка», «Веселенькое воскресенье», «Посмешище», да и множестве других. Сочетание несочетаемого — это и есть Фанни Ардан.

— В наши дни, когда каждый стремится удовлетворить любое свое желание как можно полнее и скорее, вы предпочитаете играть тему отношений между женщиной и мужчиной, основываясь на молчании, скрытых эмоциях, недосказанности... Это очень смело!

— Мы живем с чувством жадности к обладанию и потребительству, стремимся к потреблению удовольствия, потреблению любви. Но никакого прогресса в любви не существует. «Потребляй, дочь моя», — сколько в этом мошенничества! Я принадлежу к поколению, верившему в Че, а сегодня верят только в его толстый кошелек. Мир выставлен на продажу, секс выставлен на продажу. Установилась диктатура наслаждения. Теперь хвастаются своими сексуальными подвигами. Но в чем принцесса Клевская была менее великой любовницей, чем автор современных сексуальных романов Виржини Депант? Индивидуум, который оказывается способным к самовыражению в условиях этой диктатуры, и становится хозяином жизни.

— Оттягивать исполнение желания — это способ придать ему большую живость или в конце концов убежать от него совсем?

— Оттягивать желание — значит его усиливать, ведь оно гаснет только после реализации фантазий. Избегать его — это тоже форма комфортной жизни и очень большая извращенность, хотя есть и такие, кто предпочитает путешествовать по головокружительным берегам наслаждения и без исполнения акта физической любви... В действительности убийцы любви — это так называемые понятия «честь, семьи, родины», лозунг «верьте и потребляйте». А любовь

стихийна, разрушительна. Если вы не составляете регулярный план семейных расходов, если вы не покупаете стиральную машину — это наносит ущерб всему обществу!

— В вас живет постоянная жажда бунтарства.

— Я росла невероятно счастливым ребенком, без всяких комплексов, нелюбимой замарашки, на которую жалко потратить деньги, — а именно это обычно порождает у взрослого человека желание взять реванш. Я никогда не обращалась к психоаналитикам, у меня не было никаких трудностей. Уже потом я научилась справляться со своими печалью, неудачами и своей тоской... Но это всегда было выяснением отношений между мной и мной. Я всегда отказывалась голосовать, участвовать в каком-то обществе, состоять в какой-то партии. Но и жила я всегда очень земной жизнью, с ее временем для посевов и временем для жатвы. И сегодня я среди своих детей!

— «И деток одна воспитала», как поется в народной песенке...

— Да, жизнь моего поколения была связана с множеством передраг, с безумствами. И я разделила заблуждения своего века. Была какая-то прекрасная наивность в том, что мы говорили себе самим: «Я должна быть сильнее обстоятельств!» Меня обескураживали: «Если заведешь ребенка, у тебя в колесах будут одни палки!» Но я не побоялась.

— И вы бесстрашно шли навстречу жгучим ранам любви...

— Нужно внимательно слушать свое подсознание. «Давай поглядим, да обсудим, да посмотрим...» Контроль над собой — худший из врагов. Что мы, собственно, знаем о жизни? «У жизни больше воображения, чем у вас», — говорит психиатр моей героини, решившейся на самоубийство, в фильме «Соседка». Такие фразы запоминаются на всю жизнь.

— И вы не отказываетесь от одиночества, даже если, как сказала Маргерит Дюрас, «одиночество всегда спутник безумия»?

— Нет, и в конце концов мне так лучше! Быть способной на безумство — это стоит большего, чем жить глупой овцой. Когда мне говорят «как ты можешь так рассуждать, ведь это безумие!» — прослыть сумасшедшей — о! какое удовольствие! В ответ получаешь ту любовь, какую обычно испытывают на маргинальным личностям — потому что в глубине души их считают смелее других. Быть или не быть животным социальным, принимать общество или в корне отвергать его — в этом балансировании на лезвии бритвы и состоит история нашей жизни.

— «Искусство создает жизнь», говорил Генри Джеймс...

— Искусство спасает жизнь! Красота — одновременно и утешение человека, и его отчаяние. Увидеть осколки собственной жизни, преображенные в формы книги, оперы, картины, пьесы, — это как бальзам. Греки узнавали себя в трагедиях Эсхила. Страдания и смерть, закованные в форму произведений Фрэнсиса Бэкона, больше не ужасают, наоборот — они умиротворяют. Внутренности искусства — это всегда грех.

— Любовное чувство — насколько оно сродни отношениям актера со своим собственным искусством?

— Да, это все в одной лодке. Театр всегда требует чудовищного физического напряжения, это очень тяжело, и вот говоришь себе: «Нет, нет, больше никогда!» И все равно возвращаешься туда.

— Как бы вы определили качество особых отношений, которые вот уже много лет связывают вас с Жераром Депардье?

— Удивительно, но я не могу подобрать подходящих слов, чтобы описать то, что существует между нами. Даже не представляю себе, можно ли передать, как мы друг другу преданы, ведь говорим, что необходимо беречь дружбу, любовь... С Жераром все именно так. Я так люблю просто смотреть на него, слушать его, говорить с ним. Потому что, и это правда, у Жерара очень развит инстинкт, он видит все, понимает все, он словно чародей, он знает все. Он живет в моей душе. Я люблю эту сторону в мужчине — он совсем земной, но при этом слегка «чокнутый». Совсем не склонный к жадному потребительству, он в то же время обладает и аппетитом к жизни, достойным людоеда, и невероятной деликатностью. Мы встречаемся только для совместной работы над фильмом или пьесой, а потом огни рампы гаснут, и это означает «до свидания, до скорой встречи!» И никогда не знаешь, когда она произойдет в следующий раз. Мне просто достаточно знать, что он существует.

— «Фанни пришла к нам из той страны, которой не существует», — сказал однажды Франсуа Трюффо. Из какой страны вы пришли и куда идете теперь?

— Мама мия! Я выросла из самой себя пятнадцатилетней, твердокаменной девочкой, а этот тот самый возраст, когда приходится открывать в жизни то, чего открывать совсем не хочется. И я хотела бы продолжать честно двигаться вперед, ничего не отвергая, никого не обманывая, без страха. Чтобы, когда войду в спальню смерти, сказать: «Я жила. Я ничем не поступилась». И крикнуть: «Да здравствует свобода!»

По материалам зарубежной прессы подготовил Дмитрий САВОСИН